

как нам уже приходилось писать, и различный смысл и различное понимание. Писатели реакционного лагеря пытались на основании наличия этих мотивов в народной песне сконструировать «систему свойств народного характера» в целом, основными элементами которого они стремились изобразить такие черты, как глубокая чувствительность, смирение, покорность судьбе, религиозная созерцательность. Таким образом «доказывалось» отсутствие в русском народе каких-либо протестантских и революционных тенденций⁹⁹. Хомяков, например, усматривал черты смирения и религиозности даже в так называемых «разбойничьих» песнях¹⁰⁰.

Иное толкование давали представители революционно-демократической литературы и критики. Начало этому пониманию было положено еще Радищевым, полнее же всего оно было развито Белинским, раскрывшим в ряде статей смысл и сущность «русской грусти». Эта грусть, — разъяснял он, — «не болезнь слабой души» «и не дряблость немощного духа». Русская грусть имеет «особенный характер»: это — «грусть души крепкой, мощной и несокрушимой» (Б., VI, 477). Также понимал мотивы грусти в народной поэзии и Герцен, видя в ней выражение народных стремлений к иной жизни и еще неосознанным идеалам. Об этом писал он и в своем «Дневнике» (Г., III, 32), и в повести «Кто виноват?» (Г., IV, 339, 342), и в книге «С того берега» (Г., V, 387) и других, более поздних, статьях и книгах. Для Белинского и Герцена в народной песне раскрывались лучшие стороны «русской души» и великие потенциальные силы народа, еще не нашедшие должного выхода. В письме к Мишле (1851) Герцен называл грустную русскую песню, «в напевах которой слышатся рыдания», одним из лучших источников «для постижений образа народа» (Г., VI, 452)¹⁰¹.

Это понимание русской народной песни нашло полное отражение в «Певцах» Тургенева. Напоминает определение Белинского и тургеньевская характеристика пения Якова, в котором звучали, кроме «беспечной грустной скорби», «и неподдельная, глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость» (Г., 1, 214).

Художественным раскрытием этих воззрений на народную песню и отражавшийся в ней народный характер служит и столь смутившая славянофилов «спена пьяных в кабаке» (выражение Ив. Аксакова). Эта «спена» казалась им ненужной и нарушающей обаяние тургеньевского рассказа. Ив. Аксаков видел в ней лишь дань этнографическому натурализму и не сумел понять идейного значения этой «спены» и ее роли в общем замысле писателя. Тургеневу же она была необходима как художественное воплощение мысли о противоречиях русского народного характера. «Певцы» служат как бы иллюстрацией к словам Белинского о сущности русской грусти. Еще в статье, посвященной книгам по истории Петра Первого (Голикова и Бергмана), Белинский писал о характерных для русского человека быстрых переходах «от самой томительной, надрывающей душу грусти к самой бешеной, иступленной веселости» (Б., VI, 184); в статьях о русской народной поэзии Белинский посвящает несколько страниц специально вопросу о связи «грусти и разгула». Грусть русского человека «не мешается ни иронией, ни сарказму, ни буйному веселию, ни разгулу молодечества» (Б., VI, 477). Особенно настойчиво подчеркивал Белинский наличие в характере русского человека резких и разительных противоречий, источник которых он усматривал в основных противоречиях народной жизни: с одной стороны, великие народные силы; с другой — уродливый и тяжелый быт, не дающий им простора и выхода и выражающийся в самых диких формах, в том числе и в пьянстве.

⁹⁹ Подробнее см. в нашей статье «Народная песня в концепциях русских революционных просветителей», «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», 1950, № 6, стр. 456—459.

¹⁰⁰ «Московский сборник», сборн. первый, М., 1852, стр. 324.

¹⁰¹ См. «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и языка», 1950, № 6, стр. 470.